

После пожара 2015 года в здании библиотеки ИНИОН РАН, когда погибло около 20% изданий, а большая часть «выживших» документов оказалась залита водой и превратилась в ледяные глыбы, про оцифровку библиотечных фондов снова заговорили – и журналисты, и законодатели, и сами библиотекари. Дело вроде важное и срочное – однако же препятствий хватает не только технических: сложившаяся в «аналоговую» эпоху система защиты авторских прав серьёзно затрудняет не только доступ к культурному наследию, но даже сам процесс перевода хрупких медианосителей в цифровой вид. Принципиально новым возможностям приходится бороться не столько с индустрией, сколько с укладом мышления. Преодоление, конечно, вопрос времени – вот только каких потерь это лишнее время нам будет стоить?

Впрочем, и чисто технически задачи, стоящие перед оцифровщиками, внушительны. Поначалу многие упрекали руководство ИНИОН в том, что из 14,2 млн изданий перевести в электронный вид удалось лишь около семи тысяч, но после нехитрых вычислений стало ясно: аккумулировав все доступные государству ресурсы, справиться удалось бы не раньше, чем через полтора века. Даже программе по оцифровке фондов библиотеки Конгресса США - масштабнейшей в мире – после более 20 лет работы ещё очень далеко до завершения: десятипроцентный барьер был преодолен лишь в 2007 году. Перевод издания в электронный вид – занятие долгое и весьма сложное: чем старше носитель, тем осторожней с ним нужно работать, тем более сложная и дорогая техника требуется для безопасной оцифровки (или, как её ещё называют, «дигитализации»). Если для современных изданий зачастую достаточно простого качественного сканера, то более старые книги лучше не раскрывать на 180 градусов – для этого их помещают в специальные V-образные копировальные устройства. Раритетные же и просто плохо сохранившиеся издания специалисты по оцифровке и вовсе стараются от греха подальше людям не доверять – вместо них страницы листает специальный высокоточный робот. А уж если требуется очистить страницы от пыли, стоимость работы может составлять десятки тысяч рублей, что делает недоступными подобные технологии для большинства библиотек.

Впрочем, сохранность фондов – хотя и важная, но не единственная и даже не главная цель цифровизации. Библиотека – не архив, над богатствами не чахнет, основная её задача – общедоступность знания. Вот здесь бы и развернуться интернет-библиотекам: когда физическая копия теряет смысл, пропадает не только милый многим «ни с чем не сравнимый шелест страниц», но и необходимость прилагать время и механические усилия на её поиск. Физический износ уже не портит нервы материально ответственным лицам. Доступность информации теперь не зависит от тиража (что особенно важно для

специализированной литературы, которая издаётся по 500-1000 экземпляров), бюджета библиотеки – отныне вопрос для, скажем, сельских школьников упирается исключительно в доступ к сети. Географические различия тоже нивелируются – до однажды отсканированной на другом конце страны книги можно добраться откуда угодно. Тексты, фотографии, рисунки, аудиофайлы, видео, программы – всё может быть доступно! Простота цитирования и поиска по фрагментам подрезает крылышки плагиату в научных трудах. И это уже не говоря о победе над такими прозаическими мелочами, как нехватка пространства, стоимость электроэнергии, климатические условия. Где бы ты ни родился, где бы ни оказался – простор открыт, никакие бранные условности не могут препятствовать свободе получения информации.

Здорово, правда? Даже слишком, чтобы реализовать все это здесь и сейчас. Описанный сценарий светлого информационного будущего никак не предполагает необходимости посредников-издателей, чьи дела и без цифровых библиотек в последнее время идут неважно: из-за интернет-пиратства и распространения электронных «читалок» с планшетами рынок бумажных книг в последнее десятилетие неуклонно сжимается. Самой очевидной возможностью для издателей в новых условиях выжить и какое-то время продолжать получать прибыль, не меняя привычного образа мышления и бизнес-модели, становятся попытки с минимальными изменениями перенести старые представления об авторском праве на почву новых технологий.

В качестве основного – действительно весомого – аргумента посредники ехидно интересуются: что же будет кушать при победившем информационном коммунизме автор, если деньги при этом не отменили? Как ни крути, авторское вознаграждение до сих пор остаётся наиболее уязвимым местом в идеологии антикопирайта: смелые мечты о том, что теперь люди по доброй воле будут поддерживать авторов контента, минуя «паразитов-издателей, забирающих себе львиную долю денег», пока что так и не стали былью. Идея выплат гонораров со стороны государства также не нашла внятного рабочего воплощения. Конечно, первые блины всегда комом, но на данный момент издательскому лобби действительно несложно выставлять оппонентов безответственными мечтателями, а то и злостными пиратами, уголовными преступниками.

Впрочем, сторонникам копирайта контраргументов тоже хватает. Скажем, срок действия авторского права в РФ с 1993 года, согласно Бернской конвенции, был установлен в 50 лет после смерти автора, в 2006 же году он был увеличен до 70 лет. Подобные сроки действуют в США и многих европейских странах, но обосновать их интересами давно почившего автора сложно, эти нормы явно заточены под интересы многочисленных наследников, к созданию произведения

отношения вовсе не имеющих. С точки зрения принципов доступности информации и просто здравого смысла они генерируют множество странных ситуаций: кому нужна в открытом доступе, скажем, инженерная литература вековой давности? Несмотря на то, что в 2008 году библиотекам, наконец, [разрешили оцифровку](#), в частности «документов, которые имеют научное и образовательное значение», а в 2014 – [вообще любых книг, которые не переиздавались на территории страны последние 10 лет](#), создавать электронные копии можно только «в единичном экземпляре для внутреннего пользования». То есть читать книги вне физических стен библиотеки всё равно не получится. От принципов открытой информации это всё ещё далеко, не говоря уже о том, что прогресс стремительно ускоряется и в некоторых отраслях знания литература успевает устареть всего за пару лет. Порой требования сторонников традиционной модели распространения информации и вовсе абсурдны: скажем, ограничить одновременный доступ к одному и тому же изданию. Или же ввести автоматическое отключение читателя от текста по прошествии энного времени, имитируя «возврат» книги. По-видимому, от читателя ждут, что тот изо всех сил будет притворяться, будто имеет дело с бумажной версией.

В то же время, несмотря на отчаянное сопротивление книгоиздателей, ситуация постепенно меняется. Так, во втором чтении могут быть приняты поправки в закон «Об обязательном экземпляре документов» – издательства, среди прочего, обяжут предоставлять по эталонной электронной версии каждого документа в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату) и Российскую государственную библиотеку. Использоваться «мастер-копии», по идее, должны с согласия правообладателей, но тех формулировка успокаивает слабо: основной опасностью издательскому бизнесу [видится](#) в полной потере контроля над распространением цифровых оригиналов.

Одной из государственных инициатив по цифровизации библиотек стала заработавшая, наконец, в 2015 году «Национальная электронная библиотека». Ресурс должен был, во-первых, открыть доступ к крупнейшим библиотечным фондам (на сегодня – 6 федеральных и 27 региональных) страны, во-вторых – подсказать, где искать желанный документ, через единый каталог российских библиотек (на случай, если оцифровка его пока не коснулась). Согласно специальному указу Президента от 2012 года, 10% процентов от издаваемых ежегодно на территории России книг должны поступать в фонд НЭБ. Если верить счётчику на сайте, то с начала оцифровки в 2004 году по сегодняшний день в базу библиотеки добавлено почти 1,7 млн текстов. Однако стоит немного покопаться в поиске и оказывается, что множество (порой - десятки!) наименований - дублирующие друг друга копии одной и той же книги. Но самое

грустное и забавное – следуя букве закона, читать защищённые авторским правом произведения НЭБ даёт лишь в стенах той библиотеки, в которой хранится бумажный оригинал произведения – система автоматически определяет IP-адрес читателя и, если тот не принадлежит библиотечной сети, блокирует ему доступ. Более того, чтобы читать защищённые авторским правом книги, необходимо устанавливать на компьютер специальную программу-читалку (поддерживаются только операционные системы Windows и Mac OS X), блокирующую попытку скопировать текст или снять с экрана скриншот. Индексация текстов библиотеки поисковыми машинами тоже ограничена. Какие тексты находятся в открытом доступе, а какие можно прочитать, только находясь в одной из библиотек сети – никак не выяснить. Доступные для скачивания «открытые» документы представлены исключительно «тяжёлыми» pdf-файлами - неудивительно, что посещаемость НЭБ [пока довольно скромная](#). Да, функционал в будущем обещают существенно расширить, доступ к защищённым копиям – упростить, но принципиально это мало что меняет: чтобы легально добраться до интересующего текста, приходится совершать гораздо больше телодвижений, чем для скачивания fb2-файла с торрент-трекера или пиратской библиотеки, даже с учётом их возможной блокировки.

Всё это тем более обидно, что фонд НЭБ действительно богат редкими изданиями – сценарии, в которых сервис окажется полезен, возможны даже в его нынешнем виде. Увы, но при огромном потенциале и многомиллионных вливаниях НЭБ оказалась заложницей анахронизмов системы копирайта, в существующем правовом поле ей просто негде развернуться. Если оставить за скобками «пиратские» ресурсы, то единственный реальный альтернативный подход для тех, кто не желает ждать наступления «тёплых» юридических времён – как авторам, так и библиотекарям выйти за пределы устаревших правовых принципов и начать играть по своим собственным, благо в условиях российского законодательства это возможно.

Пример «другого» мышления – запущенная в 2012 году открытая библиотека научных статей «КиберЛенинка», публикующая работы под лицензией Creative Commons (CC-BY), что позволяет использовать их как угодно и где угодно – лишь бы осталась ссылка на авторство. За пять лет работы «КиберЛенинка» уже накопила почти 1,2 млн статей, получила множество сетевых наград и успела стать ориентиром для авторов других отечественных проектов, основанных на принципах «открытой науки». И притом, что финансовые условия, в которых находятся НЭБ и «КиберЛенинка», [несколько отличаются](#), инфраструктура сайта выглядит гораздо продуманней: есть каталог по темам работ на основе Государственного рубрикатора научно-

технической информации, поиск работает по абсолютно всем текстам, дизайн заточен под просмотр с любых устройств. Но основное достоинство «КиберЛенинки» - не в удобстве дизайна: это яркий образец независимой инициативы людей, которые без прямого материального выхлопа готовы тратить силы на создание высококачественного информационного пространства. Своим примером библиотека демонстрирует, что даже в современной России между авторами и сообществом вполне могут существовать отношения, отличные от схемы «товар-деньги-товар».

Можно возразить, что научные библиотеки – весьма узкая категория, и подобный подход вряд ли можно перенести куда-то ещё. Но дело-то не в формальных правилах распространения информации (хотя они в лицензии CC-BY прописаны чётко и доступно) и даже не в моделях монетизации, но в мировоззрении, которое лежит в основе такого подхода. Мы можем воспринимать обмен информацией как товарно-денежные отношения, где цену можно и нужно вздуть, контролируя её распространение. Но можем и рассматривать его как основу человеческой культуры, без которого немислим прогресс, как научно-технический, так и социальный. Тогда вдруг окажется, и что вопрос вознаграждения авторов в таких условиях – необязательно дело государственного контроля и механизма распределения прибыли на рынке, что когда каждый может стать твоим со-творцом, отношения общества и автора могут строиться не только на взаимном желании заработать на другом побольше, как можно меньше потеряв.

В конце концов, при пожаре в библиотеке ИНИОН сама информация не была утеряна безвозвратно: остались ксерокопии, микрофильмы, дублирующие экземпляры, списки. Страшнее то, что большинство гневных комментаторов до пожара знать не знали о существовании этой библиотеки и смысле её функционирования. Какой прок от любых гигантских каталогов, если в обществе нет культуры работы с информацией, её поиска, анализа и творческой переработки? Горящие книги – это дико, это мрачно, но ещё тоскливей нежелание отходить от привычного уклада мышления, замедляющего развитие общества. Перспектива в глобальной катастрофе (землетрясение, наводнение, нашествие инопланетян) потерять всё, что нажито непосильным интеллектуальным трудом поколений, конечно, не радует, только вот возможность прозевать шанс мощного культурного рывка отчего-то представляется гораздо более вероятной – и гораздо обидной. В конечном счёте, выбирая политику отношения к информации, российскому обществу предстоит определиться с приоритетами. Что для нас важнее, страх посредников потерять привычную бизнес-модель (которой в любом случае придётся измениться), или же возможность, перефразируя Ньютона, научиться чувствовать под

ногами плечи гигантов прошлого, чтобы потом оттолкнуться от них и подняться ещё выше?